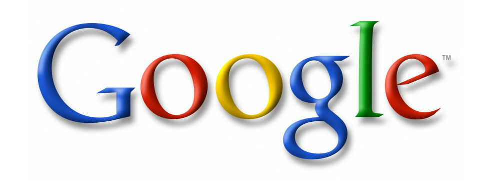
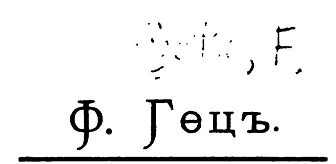

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

Ф. Гецъ.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА

КЪ

ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., с. д.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 30 марта 1902 г.

Объ отношенiи Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу.

«Когда дѣло идетъ не о теоретическихъ идеяхъ, а о вопросахъ жизненныхъ, рѣшенiе которыхъ въ томъ или другомъ смыслѣ имѣетъ прямыя практическiя послѣдствiя для множества живыхъ людей, когда торжество или пораженiе извѣстнаго взгляда связано съ благополучiемъ или бѣдствiемъ нашихъ ближнихъ, — тогда философское безстрастiе и невозмутимость были бы совершенно неумѣстны. Тутъ уже вступаютъ въ свои права и моральное негодованiе, и религiозная ревность; тутъ уже недостаточно одного изложенiя истины, а необходимо и безпощадное обличенiе неправды“.

Вл. С. Соловьевъ.

Отношенiе Владимiра Сергѣевича Соловьева къ еврейскому вопросу въ высшей степени характерно для него самого—и мы не будемъ имѣть полнаго и вѣрнаго представленiя объ идеальной личности этого выдающагося мыслителя, этого вдохновеннаго публициста и этого нравственнаго подвижника, если упустимъ изъ виду его отношенiе къ евреямъ и еврейству.

Отношенiе Вл. С. къ еврейскому вопросу не было плодомъ мимолетнаго настроенiя, либо вспышки чувства жалости къ униженнымъ и оскорбленнымъ, либо порыва великодушiя къ гонимымъ жестокою судьбою. Въ теченiе десятковъ лѣтъ Вл. С. слѣдитъ съ напряженнымъ вниманiемъ за всѣмъ тѣмъ, что происходитъ съ евреями. Онъ

искренно раздѣляетъ съ ними горе и радость. И гдѣ бы онъ ни былъ, вездѣ онъ живо интересуется судьбой еврейства. Прочитавъ въ Загребѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ извѣстіе о происходившихъ въ то время въ Россіи еврейскихъ погромахъ, Вл. С. съ выраженіемъ глубокой скорби пишетъ мнѣ: „Очень огорчило меня извѣстіе о новыхъ погромахъ... Что же намъ дѣлать съ этой бѣдой?“

Узнавъ о циркулярѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія объ ограниченіи пріема евреевъ въ учебныя заведенія, Вл. С. съ сокрушеннымъ сердцемъ мнѣ пишетъ: „Этотъ циркуляръ въ особенности есть одна изъ причинъ, поддерживающихъ мои нервныя боли. Вопросъ, что же дѣлать противъ этой... политики? Я въ тѣсныхъ предѣлахъ своихъ средствъ имѣю въ виду слѣдующее: я готовлю къ печати на французскомъ языкѣ сочиненіе о главныхъ задачахъ или, какъ я выражаюсь, *обязанностяхъ* Россіи. Дарованіе русскимъ евреямъ полныхъ гражданскихъ правъ есть одна изъ этихъ обязанностей, и я постараюсь выставить ее убѣдительнѣйшимъ образомъ“. Изложивъ свой дальнѣйшій планъ дѣйствія, который онъ имѣлъ въ виду, Вл. С. обращается ко мнѣ съ предложеніемъ: „Если вы найдете еще какой-нибудь практическій шагъ, который бы я могъ предпринять въ пользу этого дѣла, то, зная мои чувства къ вашему народу, вы можете быть увѣрены, что я буду вамъ благодаренъ за всякое такое указаніе“. Когда одинъ изъ его друзей, имѣвшій намѣреніе и надежду пріобрѣсти „Московскія Вѣдомости“, обратился къ нему съ настоятельною просьбою о сотрудничествѣ, Вл. С. обѣщалъ ему это „лишь съ условіемъ, чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ писать въ защиту еврейства“. Впослѣдствіи, предвидя, что эта комбинація не состоится, Вл. С. съ искреннимъ сожалѣніемъ пишетъ мнѣ: „Повидимому, эта газета остается за прежнею редакціею, т. е. за сотрудниками Каткова, которые подражаютъ ему только въ дурномъ. Вѣроятно, они при случаѣ примкнутъ къ „юдофобамъ.“ Сообщая мнѣ тутъ же, что онъ началъ писать статью подъ заглавіемъ „Грѣхи Россіи“,

онъ замѣчаетъ: „Эти грѣхи, по-моему, суть положенiе еврейства... и отсутствiе религiозной свободы. Говорить въ печати о еврейскомъ вопросѣ въ связи съ этими другими нашими неправдами я нахожу во всѣхъ отношенiяхъ удобнѣе... Вы видите, что мое перо всегда готово къ защитѣ бѣдствующаго Израиля“...

Но заступничество Вл. С. за бѣдствующаго Израиля далеко не исчерпывается однимъ перомъ его. Онъ старается также побудить выдающихся русскихъ литературныхъ дѣятелей заступиться за евреевъ. Радость Вл. С. не знала границъ, когда онъ получилъ отъ гр. Л. Н. Толстого письмо, въ которомъ знаменитый художникъ-мыслитель ему, между прочимъ, пишетъ: „Я впередъ знаю, что если вы, Владимiръ Сергѣевичъ, выразите то, что вы думаете объ этомъ предметѣ, то вы выразите и мои мысли и чувства, потому что основа нашего отвращенiя отъ мѣръ угнетенiя еврейской нацiональности одна и та же: сознанiе братской связи со всѣми народами и тѣмъ болѣе съ евреями, среди которыхъ родился Христосъ, и которые такъ много страдали и продолжаютъ страдать отъ языческаго невѣжества такъ называемыхъ христiанъ“. Кого только Вл. С. изъ друзей и знакомыхъ тогда ни видалъ, онъ радостно показывалъ это письмо. То же самое было съ подобными письмами Б. Н. Чичерина и г. В. Г. Короленко. Я въ другомъ мѣстѣ[1]) разсказалъ о его старанiяхъ о составленiи коллективнаго заявленiя противъ антисемитическаго движенiя и о другихъ шагахъ литературнаго свойства, которые Вл. С. предпринималъ въ защиту еврейства. Да мало того, онъ не ограничивался одною литературною помощью въ защиту евреевъ. Онъ не брезгалъ и практическимъ дѣятельнымъ участiемъ въ облегченiи тяжелой участи еврейства. Когда въ началѣ девяностыхъ годовъ русско-еврейская интеллигенцiя увлеклась эмиграцiоннымъ движенiемъ, Вл. С. принялъ дѣятельное участiе въ организацiи и устройствѣ эмигрантовъ-евреевъ, о каковомъ

---

[1]) «Восходъ», 1900 №№ 63 и 79.

своемъ участіи онъ пишетъ мнѣ: „Вы знаете, что единственнымъ справедливымъ рѣшеніемъ вопроса я считаю полную равноправность. Но такъ какъ справедливость осуществится, можетъ быть, только завтра, считая дни по Божьему счету, т.-е. черезъ тысячу лѣтъ, то этимъ не устраняется необходимость хотя бы временнаго и палліативнаго облегченія для наиболѣе страждущей части еврейства". Въ качествѣ почетнаго члена общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи Вл. С. участвуетъ въ его совѣщаніяхъ и преніяхъ. Издаетъ это общество сборникъ въ пользу народныхъ училищъ, Вл. С. оказываетъ ему поддержку своимъ трудомъ. Словомъ, не было за послѣдніе два десятка лѣтъ общееврейскаго дѣла, которому Вл. С. не оказалъ бы посильной поддержки или, по крайней мѣрѣ, не удѣлилъ вниманія въ томъ или другомъ видѣ.

Такое необычайно гуманное и устойчивое отношеніе къ еврейству со стороны христіанина не имѣло и не имѣетъ примѣра, по крайней мѣрѣ, въ Россіи, и невольно возникаетъ вопросъ о побудительной причинѣ такого исключительнаго отношенія Вл. С. къ евреямъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ письмѣ Вл. С. ко мнѣ отъ 5 марта 1891 г. „Любезный другъ! Вы желаете, чтобы я еще разъ высказался о еврейскомъ вопросѣ по поводу вашей книжки. Охотно это дѣлаю не только для васъ, но и для себя,—для очищенія своей совѣсти относительно нашихъ проповѣдниковъ антисемитизма. Ибо какъ сказано у пророка Іезекіиля: „Если не возвѣстишь нечестивому, да обратится отъ пути своего и живъ будетъ... взыщу кровь его отъ руки твоей. Если же возвѣстишь ему и не обратится отъ нечестія своего и отъ пути нечестиваго своего, въ беззаконіи своемъ умретъ онъ, ты же душу свою избавилъ". Въ этихъ словахъ мы находимъ ключъ къ отношенію Вл. С. къ еврейскому вопросу. Мы узнаемъ, что собственно побудило заниматься злополучнымъ еврейскимъ вопросомъ этого коренного русскаго учено-литературнаго

дѣятеля, родившагося въ исконной православной семьѣ, въ которой нѣтъ и не было ни близкихъ, ни дальнихъ родственниковъ евреевъ, воспитавшагося въ старинной русской столицѣ, гдѣ издревле евреямъ, за рѣдкими исключеніями, жительство строго запрещается, изучившаго классическую филологію и философію, да естественныя науки, ничего общаго съ еврействомъ не имѣющія, и впервые познакомившагося съ евреемъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, а именно: въ 1879 г. съ пишущимъ эти строки. Мы узнаемъ, что заступиться за евреевъ и выступить противъ антисемитизма Вл. С. считалъ своимъ личнымъ дѣломъ, долгомъ своей совѣсти.

Но намъ интересно знать, на какой почвѣ возросло такое возвышенно-нравственное отношеніе къ еврейству, столь интенсивно и столь продолжительно занимавшему Вл. Сергѣевича, откуда оно взялось, какъ оно развилось, зрѣло, достигло такого пышнаго расцвѣта и дало такіе прекрасные плоды?

Отношеніе Вл. С. къ еврейскому вопросу, по моему мнѣнію, обусловливалось всѣмъ его религіозно-философскимъ міросозерцаніемъ, всѣмъ его духовно-нравственнымъ существомъ.

Крайне сложно и совершенно исключительно, какъ его свѣтлая личность и какъ его возвышенное міросозерцаніе, было и его отношеніе къ еврейству. Оно было прежде всего непосредственнымъ послѣдствіемъ его глубокаго пониманія и всесторонняго знанія еврейства, которое онъ долго и усердно изучалъ.

Первоначальнымъ поводомъ къ изученію еврейства слѣдуетъ считать его искреннее религіозное настроеніе, его естественное влеченіе къ религіознымъ изысканіямъ. Глубоко вѣрующій христіанинъ, для котораго божественное откровеніе было безспорнымъ историческимъ фактомъ, безъ котораго онъ не могъ бы мыслить и найтись и оріентироваться въ мірѣ и жизни, Вл. Сергѣевичъ и какъ мыслитель былъ по преимуществу религіозный мыслитель. Исходною

пс. 25“. Первымъ значительнымъ результатомъ нашихъ занятій св. писаніемъ, которыя Вл. С., со свойственною ему скромностью, называлъ „нашими еврейскими уроками“, былъ, по его же свидѣтельству, первый томъ его капитальнаго труда „Исторія и будущность теократіи“, весьма характерно названный имъ „Изслѣдованіе всемірно-историческаго пути къ истинной жизни“. Это сочиненіе служитъ нагляднымъ доказательствомъ его основательнаго знанія подлинника св. писанія, его глубокаго пониманія смысла библейской исторіи. Однако-жъ Вл. С. и этимъ не удовольствовался. Чѣмъ больше онъ изучалъ св. писаніе и особенно чѣмъ больше углублялся въ Новый завѣтъ, тѣмъ ему яснѣе становилось, что для полноты пониманія Библіи необходимо ближе познакомиться съ идейнымъ міромъ *талмудическихъ* мудрецовъ, изъ среды которыхъ вышли первые и главные основатели христіанства, и Вл. С. взялся за изученіе талмуда. Онъ прошелъ у меня трактаты: „Аботъ“, „Абода-зара“, „Іома“, „Сукку“ и неутомимо много читалъ о талмудической письменности по вторымъ, преимущественно, нѣмецкимъ источникамъ. Эти занятія дали блестящіе результаты. Они открыли ему новые горизонты. Со свойственною ему чуткою воспріимчивостью и быстрой проницательностью Вл. С. правильно постигъ главныя руководящія мысли господствовавшихъ въ Іудеѣ въ послѣдніе вѣка дохристіанской эры религіозныхъ направленій и принципіальныя различія партій саддукеевъ, фарисеевъ и ессеевъ; онъ позналъ духовную связь этихъ послѣднихъ съ первоначальнымъ христіанствомъ и, такимъ образомъ, идейное сродство между христіанствомъ и іудаизмомъ. Страницы, на которыхъ Вл. С. излагалъ свой взглядъ на вышеупомянутыя религіозныя партіи и на отношенія къ нимъ христіанства, принадлежатъ къ самымъ поучительнымъ и убѣдительнымъ по содержанію и самымъ остроумнымъ и прекраснымъ по формѣ, когда-либо по этому предмету написаннымъ. Я, по крайней мѣрѣ, въ относящейся сюда литературѣ не знаю ничего подобнаго. Приведу наиболѣе интересное для на-

шего предмета его краткое резюме, разъясняющее связь христіанства съ названными религіозно-политическими партіями. „Эта последняя черта, т.-е. ожиданіе царствія Божія,—говоритъ, между прочимъ, Вл. С.,—дѣлаетъ ессеевъ несомнѣнно предвѣстниками христіанства. Въ другихъ отношеніяхъ христіанство имѣетъ свои историческіе корни не въ ессействѣ, а въ фарисейскомъ раввинизмѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что преобладающая форма евангельской проповѣди (притчи) не имѣетъ въ себѣ ничего специфически-христіанскаго, а есть обычная форма талмудическихъ *агадъ*... Вообще, при созданіи новозавѣтнаго храма не было надобности изобрѣтать новый матеріалъ. Христосъ и Его апостолы употребляли въ дѣло тѣ кирпичи, которые были у нихъ подъ руками. Даже самый планъ зданія былъ новъ не въ своихъ частяхъ, а въ ихъ соединеніи, въ *цѣлости* религіознаго идеала. Ближайшимъ образомъ евангельская идея соединяла въ себѣ то, что было положительнаго и истиннаго въ трехъ еврейскихъ партіяхъ. Принципъ религіозной власти и житейской мудрости, котораго держались и которымъ злоупотребляли саддукеи, не былъ отвергнутъ Христомъ, а получилъ отъ Него высшее освѣщеніе и утвержденіе. „Дана Мнѣ всякая власть“, „будьте мудры какъ зміи“ и т. п. Точно такъ же фарисейскій принципъ закона и оправданія дѣлами былъ рѣшительно утвержденъ въ ученіи Христа, пришедшаго не нарушить законъ, а исполнить его, и требовавшаго отъ Своихъ учениковъ дѣятельныхъ плодовъ истинной вѣры. Такимъ образомъ, въ пути евангельскомъ сходилось то, что было истиннаго въ путяхъ саддукеевъ и фарисеевъ, а какъ цѣль пути возвѣщалось то самое, о чемъ мечтали ессеи—царство Божіе и правда Его“ [1]).

Уже одни такія убѣжденія должны были приблизить Вл. С., какъ истиннаго христіанина, къ еврейству настолько, по крайней мѣрѣ, чтобы заинтересоваться судьбою послѣдняго,

[1]) «Русск. Мысль» 1866 г. № 8, «Талмудъ и новѣйшая полемическая литература о немъ», стр. 126. Сборникъ «Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая», С.-Петербургъ 1901, стр. 286.

познакомиться съ нимъ какъ съ родникомъ первоначальнаго христіанства, изучить его въ прошломъ и настоящемъ. Это Вл. С. и сдѣлалъ. Съ живѣйшимъ интересомъ онъ зачитывается еврейской исторіей и исторіей еврейской литературы, а одно время увлекается чтеніемъ сочиненій о каббалѣ. Такимъ образомъ, Вл. С., не будучи спеціалистомъ по еврейской наукѣ, успѣлъ усвоить себѣ идейное содержаніе этой науки, пріобрѣсть солидныя, разнородныя познанія, касающіяся ученія и историческаго быта еврейства. Это дало Вл. С. возможность придти къ заключенію, что „между законничествомъ талмуда и новозавѣтною нравственностью, основанной на вѣрѣ и альтруизмѣ, нѣтъ противорѣчія въ принципѣ. Принципіальный споръ между христіанствомъ и еврействомъ заключается не въ нравственной, а въ религіозно-метафизической области и вопросѣ о богочеловѣческомъ значеніи и искупительной жертвѣ Христа“ [1]).

Это заключеніе, основанное на сравнительномъ изученіи еврейской и христіанской этики, должно было убѣдить Вл. С. въ полной несостоятельности антисемитическихъ обвиненій противъ религіозно-этическихъ ученій еврейства.

Но Вл. С. хотѣлъ прослѣдить дѣйствіе этихъ ученій въ практической жизни, обусловливаемое, съ одной стороны, самобытнымъ характеромъ евреевъ, а съ другой—ихъ житейскою обстановкою. Вл. С. старается всячески изучить и то и другое, поскольку это ему позволяетъ его жительство въ обѣихъ столицахъ, во внутреннихъ губерніяхъ и отчасти за границей. Онъ не пропускаетъ удобнаго случая, чтобы лично познакомиться съ евреями разныхъ классовъ и общественныхъ положеній, если возможно, поближе съ ними сойтись и даже подружиться; у него впослѣдствіи оказалось обширное личное знакомство съ евреями. Вл. С. радъ случаю вникнуть въ круговоротъ жизни и дѣятельности современныхъ евреевъ, познакомиться съ ихъ внутрен-

---

[1]) «Русская Мысль», l. c., стр. 133. Сборникъ, стр. 291.

нимъ семейнымъ и общественнымъ бытомъ, въ чемъ ему значительно содѣйствовало чтенiе еврейскихъ журналовъ и беллетристики; такъ что чрезвычайно рѣдко можно было встрѣтить христiанина, даже интеллигентнаго еврея, который бы былъ такъ основательно и всесторонне знакомъ съ житьемъ-бытьемъ русскихъ, а отчасти и заграничныхъ евреевъ, какъ Вл. С. Ему поэтому нетрудно было убѣдиться въ совершенной неосновательности и лживости взводимыхъ iудофобами разнородныхъ обвиненiй на евреевъ. Мало того, присматриваясь поближе къ еврейскому быту, не предубѣжденный никакими предвзятыми мнѣнiями и предразсудками, такой вдумчивый наблюдатель, какъ Вл. С., долженъ былъ сознать и признать, что какъ бы отталкивающи ни были бросающiеся въ глаза нацiональные еврейскiе грѣхи, какъ грязное ростовщичество, плутовское гешефтамахерство и факторское подобострастiе, привитое еврейскому народу тысячелѣтнимъ безправiемъ, деморализующимъ гнетомъ и безчеловѣчнымъ униженiемъ,—что всѣ эти народные грѣхи въ глазахъ серьезнаго критика должны стушеваться передъ великими добродѣтелями, весьма выгодно отличающими и понынѣ еврейскiй бытъ,—добродѣтелями, на которыхъ зиждется общественное благоустройство, какъ семейная чистота, образцовая трезвость и умѣренность, отвращенiе отъ жестокости и кровопролитiя и дѣятельное милосердiе,—добродѣтелями, находящими свое краснорѣчивое выраженiе, съ одной стороны, въ щедрой частной и общественной благотворительности, съ другой—въ сравнительно меньшей преступности при огромномъ количествѣ особыхъ, только для однихъ евреевъ существующихъ исключительно политическихъ и гражданскихъ законовъ и предписанiй, весьма чувствительно стѣсняющихъ всякое свободное движенiе, всякую экономическую дѣятельность, равно какъ и свободный выборъ занятiй и призванiй. Эти мысли и наблюденiя Вл. С. влагаетъ въ уста iудея, обращающагося къ христiанамъ, между прочимъ, со слѣдующими словами:

„Денежное жидовство есть продуктъ вашей цивилизацiи;

когда мы были самостоятельны, мы славились религіей, а не деньгами, храмомъ, а не биржей. То, что есть хорошаго въ нашей натурѣ, идетъ отъ праотца Авраама; то, что есть хорошаго въ нашемъ быту, идетъ отъ нашего законодателя Моисея, а все, что есть дурного въ нашей натурѣ и въ нашемъ быту, есть плодъ приспособленія къ тому обществу, среди котораго мы жили и живемъ"... „Несмотря, однако, на это вольное и невольное „примѣненіе къ средѣ", исказившее нашъ первоначальный типъ, мы все-таки сохраняемъ наши главныя особенности, возвышающія насъ какъ надъ язычниками, такъ и надъ христіанами, а именно: непоколебимую привязанность къ своему религіозному закону, тѣсную солидарность между собой и добрые семейные нравы" [1])...

Отъ вниманія такого тонкаго наблюдателя и глубокаго знатока еврейскаго быта, какъ Вл. С., не могла ускользнуть самоотверженная вѣрность еврея своимъ религіознымъ ученіямъ и предписаніямъ, налагающимъ на него массу добровольныхъ лишеній и требующимъ отъ него безчисленныхъ тяжелыхъ жертвъ. Вл. С. не могъ достаточно надивиться точному, до щепетильности строгому соблюденію святости субботняго и праздничнаго отдыха самыми бѣднѣйшими еврейскими тружениками по своей доброй волѣ, безъ всякаго внѣшняго давленія, несмотря на убійственную конкуренцію городской жизни. Онъ не могъ достаточно нахвалиться всегдашней готовностью еврейскаго населенія, несмотря на ужасающую бѣдность и нищету, къ исполненію завѣтовъ своей религіи; готовностью содержать на свои скудныя средства, безъ всякихъ правительственныхъ и иныхъ пособій, свои училища: „хедера" и „ешиботы" (благодаря которымъ еврейство добилось того, что съ незапамятныхъ временъ у него не оказывается безграмотныхъ мужчинъ), равно какъ и многочисленныя молельни и синагоги съ цѣлымъ штатомъ раввиновъ и проповѣдниковъ, которые обя-

---

[1]) «Русская Мысль», l. c., стр. 144, Сборникъ, стр. 299.

заны ежедневно утромъ и вечеромъ обучать и просвѣщать народъ, читая и объясняя разныя богословскія, этическія и назидательныя книги, наконецъ, поддерживать огромное количество благотворительныхъ обществъ и учрежденій, о которыхъ не-еврей и понятія даже не имѣетъ,—съ единственною цѣлью—всячески помочь обездоленнымъ и безпомощнымъ въ нуждѣ и несчастіи. Вл. С., постоянно твердившій: „и логика, и историческій опытъ, и слово Божіе учатъ насъ, что главное условіе *прочной силы* есть *правда*, т.-е. вѣрность самому себѣ, отсутствіе внутренняго противорѣчія и раздвоенія", самъ всю жизнь честно и неутомимо трудившійся, воплощая свои религіозно-этическія убѣжденія въ повседневную дѣйствительность, не могъ не оцѣнить по достоинству строгаго исполненія своего религіознаго закона со стороны евреевъ, для которыхъ „религія есть законъ жизни человѣческой" и которые „всѣмъ своимъ существомъ возстаютъ противъ раздѣленія между религіозной истиной и дѣйствительной жизнью, между религіей и политикой"...

Самъ вдохновенный пламенной вѣрою и способный на мученическій подвигъ въ служеніи высшимъ интересамъ религіи, Вл. С. долженъ былъ проникнуться истиннымъ уваженіемъ къ народу-мученику, вся исторія котораго составляетъ небывалый религіозный подвигъ и сплошное мученичество за вѣру. Вѣдь одна принадлежность къ еврейству, при всей врожденной практичности и при всемъ житейскомъ матеріализмѣ, привитомъ еврею его трагической исторіей, уже одна эта стойкая принадлежность къ еврейству, несмотря ни на непрерывныя жестокія гоненія, ни на самыя заманчивыя искушенія, съ почти непреодолимою силою побуждающія еврея къ измѣнѣ религіи своихъ отцовъ, не сулящей ему ровно никакихъ матеріальныхъ выгодъ и никакихъ почестей и прерогативъ, кромѣ развѣ прерогативъ мученика,—составляетъ нравственное геройство и дѣйствительный религіозный подвигъ, которые не могли не внушить Вл. С. искренняго уваженія къ еврейскому народу.

„Евреи,—говоритъ Вл. С.,—прежде всего отличаются глубокой религіозностью, преданностью Богу своему до полнаго самопожертвованія. Это народъ закона и пророковъ, мучениковъ, апостоловъ „иже вѣрою побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія“ [1]).

Твердо вѣрующій христіанинъ, Вл. С. видѣлъ въ еврействѣ Богомъ избранный народъ [2]), о которомъ Самъ Христосъ сказалъ: „Спасеніе отъ іудеевъ“ (Іоаннъ 4, 22) и за которымъ апостолъ язычниковъ Павелъ призналъ „великое преимущество во всѣхъ отношеніяхъ и наипаче въ томъ, что имъ ввѣрено слово Божіе“ (Римл. 3, 1—2). Въ сознаніи, „что Христосъ по матери былъ іудеемъ и христіанство вышло изъ еврейства“, что „изъ среды еврейскаго народа пришла благодать на землю“, Вл. С., блаженный своей возвышенною христіанскою вѣрою, которую воспринялъ въ идеальной чистотѣ первыхъ христіанъ, какъ религію универсальной любви и всепрощенія, какъ царствіе Божіе на землѣ, не могъ остаться равнодушнымъ къ судьбѣ народа, который въ силу всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній долженъ былъ имѣть для него животрепещущій интересъ. Это тѣмъ болѣе, что ободренный одушевленнымъ словомъ преосвященнаго Никанора, епископа херсонскаго и одесскаго, „о тѣснѣйшемъ родствѣ между ветхозавѣтною и новозавѣтною религіею“, Вл. С. мечталъ „объ единеніи іудейства съ христіанствомъ не на почвѣ индифферентизма или какихъ-нибудь отвлеченныхъ принциповъ, а на почвѣ духовнаго и естественнаго родства и положительныхъ религіозныхъ интересовъ [3]).

Къ тому же истинный русскій патріотъ, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова, какимъ всегда былъ Вл. С., и не могъ не относиться съ живѣйшимъ интересомъ къ судьбѣ многомилліоннаго, богато одареннаго еврейскаго населенія Россіи, которое при благопріятныхъ политическихъ

[1]) „Еврейство и христіанскій вопросъ“. Москва, 1884, стр. 10.

[2]) Ibidem, стр. 13.

[3]) Ibidem, стр. 6.

условіяхъ могло бы служить общему благу общаго отечества и значительно содѣйствовать его культурному развитію, экономическому обогащенію и преуспѣянію. И если гостепріимная Россія обнимаетъ материнскою любовью всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ, не исключая малокультурныхъ инородцевъ, въ родѣ якутовъ, башкировъ и калмыковъ и хотя бы потомковъ монголовъ, нѣкогда столь жестоко угнетавшихъ русскій народъ и еще сравнительно столь недавно причинившихъ Россіи немало бѣдствій, то тѣмъ непонятнѣе и прискорбнѣе должно было казаться благомыслящему и въ высшей степени гуманному русскому патріоту столь исключительное и недружелюбное отношеніе своего народа къ евреямъ, никогда ничѣмъ противъ Россіи не провинившимся и ничего худого никогда ей не сдѣлавшимъ. Тѣмъ болѣе Вл. С. долженъ былъ считать своимъ патріотическимъ долгомъ заступиться за евреевъ. Особенно еще потому, что онъ непоколебимо вѣрилъ въ великую, вселенскую миссію православной Россіи, въ которой, по его глубокому убѣжденію, „не даромъ Провидѣніе водворило самую большую и самую крѣпкую (въ религіозномъ отношеніи) часть еврейства". — „Вселеніе Израиля въ землѣ славянской, среди народовъ, еще не сказавшихъ міру своего слова,—говоритъ Вл. С.,—предсказываетъ будущія судьбы іудейства, окончательное возстановленіе его религіознаго значенія..." На ряду съ русскимъ и польскимъ народами, какъ будущими носителями теократіи, Вл. С. удѣляетъ весьма видную роль и еврейству, живущему въ ихъ средѣ: „Въ средѣ этихъ двухъ религіозныхъ націй, имѣющихъ свою особую теократическую идею, исторія выдвинула третій религіозный народъ, также обладающій своеобразнымъ теократическимъ представленіемъ — народъ израильскій... И какъ нѣкогда цвѣтъ еврейства послужилъ воспріимчивой средой для воплощенія божества, такъ грядущій Израиль послужитъ дѣятельнымъ посредникомъ для очеловѣченія матеріальной жизни и природы, для созданія новой земли, гдѣ правда живетъ".

Эти возвышенныя, хотя и мистическія, чаянія Вл. С. сдѣлали ему еврейство вообще и отечественное русское въ особенности весьма дорогимъ и близкимъ.

Не могу обойти молчаніемъ одной черты въ характерѣ еврейскаго народа, которая, быть можетъ, вслѣдствіе того, что та же самая черта была въ высшей степени свойственна самому Вл. С., приковывала къ себѣ его вниманіе и представляла собою предметъ его благоговѣйнаго удивленія. Это необычайная смѣлость самостоятельности мысли, которая, начиная съ Авраама, всегда отличала еврейскій народъ. Вл. С., который еще юношей имѣлъ удивительное мужество выступить съ самостоятельнымъ идеальнымъ религіозно-философскимъ міросозерцаніемъ въ эпоху расцвѣта позитивизма и даже крайняго матеріализма, и во всеуслышаніе проповѣдовать начала христіанской политики, когда въ образованномъ русскомъ обществѣ господствовали какъ разъ противоположныя политическія теченія,—умѣлъ особенно цѣнить въ еврействѣ его рѣдкое мужество имѣть свое мнѣніе, шедшее почти всегда въ разрѣзъ съ мнѣніями окружающихъ, большею частію весьма враждебно къ нимъ относившихся, несмотря на то, что въ теченіе тысячи лѣтъ еврейство составляло ничтожное, безпомощное и беззащитное меньшинство; и мало того, что еврейство смѣло имѣть свое мнѣніе, оно неустрашимо несло это исключительное мнѣніе на показъ, жило согласно съ нимъ, воплощало и олицетворяло его въ жизни и все это въ такія времена, когда было весьма опасно мыслить не такъ, какъ всѣ мыслятъ, молиться не такъ, какъ всѣ молятся, говорить не такъ, какъ всѣ говорятъ, одѣваться иначе, чѣмъ всѣ одѣваются, когда такая упорная самостоятельность считалась непростительною дерзостью и грозила самыми печальными послѣдствіями. Вл. С., который, по всему своему душевному укладу, дорожилъ выше всего на свѣтѣ свободою совѣсти и свободой слова, видѣлъ въ еврействѣ безтрепетнаго борца за эти величайшія и идеальныя блага, предъ которыми онъ преклонялся. Когда Вл. С., бывало, заговоритъ со мною

объ этой характерной чертѣ іудейства, онъ почти всегда прибавлялъ: „И этотъ народъ еще упрекаютъ въ трусости!“ „Первые христіанскіе мученики, да еврейскій народъ—вотъ классическіе образцы бойцовъ за свободу совѣсти, вотъ у кого намъ слѣдуетъ учиться, какъ отстаивать свои убѣжденія. Жаль только, что современные интеллигентные евреи не всегда достойны своихъ предковъ и нерѣдко обнаруживаютъ совершенное равнодушіе къ истинѣ и этимъ вредятъ обаянію своего народа“. Словомъ, указанная еврейская черта, которая столь характерна была для самаго Вл. С., извѣстнымъ образомъ роднила его съ еврействомъ.

Прибавьте ко всему вышеизложенному въ высшей степени развитое чувство справедливости, необычайно чуткую совѣсть, безпредѣльную доброту и любвеобильное сердце,—и вы получите ту почву, на которой росло и развивалось отношеніе Вл. С. къ еврейскому вопросу.

Самъ Вл. С. высказался о своемъ отношеніи къ еврейскому вопросу приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: „Меня одни величаютъ юдофиломъ, другіе укоряютъ въ слѣпомъ пристрастіи къ еврейству. Благо, что не подозрѣваютъ меня въ подкупности еврейскимъ золотомъ. Но въ чемъ, хотѣлъ бы я знать, высказывается мое юдофильство или мое пристрастіе къ евреямъ? Развѣ я не признаю слабыхъ сторонъ іудейства или развѣ я оправдываю послѣднія? Обнаружилъ ли я когда-либо хоть малѣйшую склонность идеализировать еврейство? Въ дѣйствительности я настолько же далекъ отъ юдофильства, какъ и отъ юдофобства. Но я не могу въ угоду дурному вкусу и плохой нравственности закрывать глаза, чтобы не видѣть очевидныхъ фактовъ, не хочу и не могу кривить душою и сдѣлать, по примѣру антисемитовъ, однихъ евреевъ отвѣтственными за всѣ грѣхи и несчастія, постигшіе насъ. Я не скрываю, что живо интересуюсь судьбою еврейскаго народа, но это потому, что она сама по себѣ въ высшей степени интересна и поучительна во многихъ отношеніяхъ. Но иногда я заступаюсь за евреевъ? Да, только, къ сожа-

лѣнію, не такъ часто, какъ я бы хотѣлъ и долженъ былъ это дѣлать въ качествѣ христіанина и славянина. (Какъ христіанинъ я сознаю, что обязанъ іудейству величайшей благодарностью, ибо мой Спаситель былъ іудеемъ по плоти, іудеями же были пророки и апостолы, и краеугольный камень вселенской церкви взятъ былъ въ домѣ израилевомъ; а какъ славянинъ я чувствую великую вину противъ еврейства и хотѣлъ бы искупить ее, чѣмъ только могу.) Еврейскій вопросъ—въ сущности вопросъ правды и справедливости. Въ лицѣ еврея попирается справедливость, потому что преслѣдованія, коимъ подвергаютъ евреевъ, не имѣютъ ни малйшаго оправданія, ибо обвиненія, вводимыя антисемитами на нихъ, не выдерживаютъ самой снисходительной критики: они большею частью злоумышленная ложь".

II.

О еврейскомъ вопросѣ Вл. С. писалъ, собственно говоря, немного [1]). Но какъ во всемъ, къ чему прикоснулся его мощный, самостоятельный и оригинальный умъ, Вл. С. и въ литературѣ по еврейскому вопросу оставилъ неизгладимые слѣды. Онъ не только глубоко и всесторонне охватилъ еврейскій вопросъ, но и почти исчерпалъ его. Даже болѣе: онъ упразднилъ его какъ таковой, т. - е. какъ вопросъ еврейскій, ибо съ неумолимой логической послѣдовательностью, неопровержимо доказалъ, что лишеніе евреевъ многихъ неотъемлемыхъ правъ человѣка и

---

[1]) Исключительно еврейскому вопросу посвящены были только: брошюра „Еврейство и христіанскій вопросъ" (Москва, 1884 г.), переработанная изъ лекціи о всемірно-историческомъ значеніи іудейства, читанной имъ въ петербургскомъ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ; статья „Талмудъ и новѣйшая полемическая литература о немъ въ Австріи и Германіи" („Русск. Мысль", 1886 г., № 8; Сборникъ «Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая». С.-Петербургъ. 1901 г.), рецензія книжки С. Я. Диминскаго „Евреи, ихъ вѣроученіе и нравоученіе", въ „Сѣверн. Вѣстн.", 1891 г., № 8, и, наконецъ, обстоятельное предисловіе къ моей книжкѣ по еврейскому вопросу, которая, по независящимъ отъ меня причинамъ, не могла появиться въ свѣтъ. Мимоходомъ Вл. С. касался еврейскаго вопроса въ своемъ сочиненіи „Національный вопросъ".

гражданина, равно какъ враждебное и презрительное отношеніе къ нимъ со стороны общества не имѣютъ никакого оправданія въ самомъ еврействѣ, не вызывались и не вызываются и понынѣ особыми условіями, въ еврействѣ лежащими, а коренятся внѣ его; поэтому Вл. С. совершенно основательно призналъ ненормальное положеніе еврейства въ обществѣ и государствѣ не еврейскимъ, а христіанскимъ вопросомъ. „Прошло уже десять лѣтъ,—пишетъ мнѣ Вл. С. въ письмѣ отъ 5 марта 1891 г.,—съ тѣхъ поръ, какъ „отецъ лжи“ возбудилъ въ нашемъ обществѣ антисемитическое движеніе. За это время мнѣ приходилось нѣсколько разъ указывать (сначала съ каѳедры, а потомъ въ духовной и свѣтской печати) на ту несомнѣнную истину, что еврейскій вопросъ *есть прежде всего вопросъ христіанскій*, именно вопросъ о томъ, насколько христіанскія общества, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ евреямъ, способны руководствоваться на дѣлѣ началами евангельскаго ученія, исповѣдуемаго ими на словахъ. Я не стану повторять здѣсь моихъ разсужденій, которыя не могутъ имѣть никакого значенія для антисемитовъ: кто проповѣдуетъ огульную вражду къ цѣлому народу, тотъ тѣмъ самымъ показываетъ, что христіанская точка зрѣнія потеряла для него свою обязательность...“ Эта мысль, которая въ брошюрѣ „Еврейство и христіанскій вопросъ“ повторяется и разъясняется болѣе обстоятельно, есть то оригинальное, совершенно новое, что Вл. С. внесъ въ литературу этого вопроса. Вл. С. и не попытался рѣшить такъ или иначе „еврейскій вопросъ“, какъ обыкновенно дѣлали и дѣлаютъ друзья евреевъ и ихъ заступники. Онъ предпочелъ, съ аргументами здравой логики и научными данными въ рукахъ, доказать, что тутъ никакого вопроса нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, не тамъ, гдѣ принято искать его. Чтобы доказать отсутствіе какихъ-либо основаній, оправдывающихъ настоящее положеніе еврейства, онъ шагъ за шагомъ разсматриваетъ и разбиваетъ всѣ господствующія противъ евреевъ и ихъ ученій обвиненія настолько убѣдительно, что ихъ полная несостоятельность

становится ясной каждому непредубѣжденному. Въ его аргументаціи рядомъ съ философскимъ безстрастіемъ и невозмутимостью выступаютъ подчасъ моральное негодованіе, религіозная ревность и пламенный патріотизмъ и на ряду съ классически-яснымъ изложеніемъ истины — безпощадное обличеніе неправды. Но всѣмъ этимъ далеко не исчерпывается неотразимая сила и чарующій блескъ его полемики по еврейскому вопросу. Въ ней столько благородства мысли и сердечной теплоты, столько трогательной любви къ человѣку и столько задушевной жалости къ обиженнымъ судьбою, что пока еврейство будетъ гонимо своими исконными врагами-клеветниками, апологія Вл. С. будетъ не только самой могучей и обаятельной защитою противъ гонителей еврейства, но и самымъ душу возвышающимъ утѣшеніемъ гонимыхъ евреевъ. Не удивительно поэтому, что хотя Вл. С. и мало писалъ въ защиту еврейства, онъ давно уже слылъ столько же авторитетнымъ, сколько и доблестнымъ защитникомъ евреевъ, среди которыхъ онъ уже давно пользовался самой широкой популярностью и искренней любовью.

Другое не менѣе отличительное и драгоцѣнное преимущество еврейской апологіи Вл. С. состоитъ въ томъ, что хотя вся эта апологія вмѣстѣ взятая обнимаетъ всего нѣсколько десятковъ страницъ, она тѣмъ не менѣе успѣла высказаться по всѣмъ обвиненіямъ, взводимымъ на евреевъ, и по всѣмъ пунктамъ запутаннаго и многосложнаго еврейскаго вопроса настолько полно, ясно и опредѣленно, что стоитъ лишь разложить этотъ вопросъ на его составные элементы, распредѣлить всѣ юдофобскія обвиненія на извѣстныя категоріи и противопоставить каждой изъ нихъ главнѣйшіе моменты апологіи Вл. С. въ его подлинныхъ выраженіяхъ, чтобы имѣть вполнѣ удовлетворительное представленіе объ обаятельной мощи и убѣдительной силѣ его полемики по еврейскому вопросу. Такой пріемъ я въ данномъ случаѣ считаю наиболѣе умѣстнымъ уже потому, что онъ устраняетъ всякое подозрѣніе въ пристрастіи и односторонности.

Этимъ пріемомъ я воспользуюсь при изложеніи главной сути полемики Вл. С. по еврейскому вопросу.

Всѣ обвиненія противъ евреевъ и еврейства, пущенныя въ ходъ современными антисемитами, можно распредѣлить на слѣдующія категоріи:

а) Обвиненія религіозныя, а именно: евреи повинны въ отверженіи и распятіи Христа; они понынѣ отвергаютъ христіанство, подкапываются подъ его основы и посему христіанство съ своей стороны не можетъ терпѣть еврейства; оно должно по возможности искоренить его и мстить евреямъ за распятіе.

б) Обвиненія этическія, состоящія въ томъ, что талмудъ, котораго придерживается еврейство, содержитъ въ себѣ зловредныя въ общественномъ отношеніи этическія ученія.

в) Обвиненія этническія: евреи, молъ, представляютъ собою низшую и порочную расу, не достойную быть уравненной въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ въ странѣ.

г) Обвиненія экономическія: признается, что евреи, благодаря историческимъ причинамъ, выработавшимъ изъ нихъ эксплуататоровъ, отличаются тлетворной экономической дѣятельностью.

д) Обвиненія политическія, заключающіяся въ томъ, что евреи будто составляютъ чуждый, нерастворимый и нежелательный элементъ въ государствѣ, по утвержденію однихъ—вслѣдствіе своей національной обособленности, а по увѣренію другихъ—какъ разъ наоборотъ, вслѣдствіе своего прирожденнаго космополитизма и либерализма. И наконецъ:

е) Обвиненія или вѣрнѣе соображенія національно-патріотическія,—о которыхъ рѣчь еще впереди,—будто требующія правового ограниченія евреевъ на всѣхъ поприщахъ борьбы за существованіе.

Противъ всѣхъ этихъ обвиненій и соображеній выступаетъ Вл. С.

Начнемъ по порядку:

Религіозныя обвиненія противъ еврейства, по мнѣнію Вл. С.,

не выдерживаютъ съ точки зрѣнія христіанства самой снисходительной критики. Развивая вышеупомянутый взглядъ епископа Никанора о тѣсной связи между христіанствомъ и еврействомъ и о развитіи религіозной идеи въ человѣчествѣ, Вл. С. указываетъ на внутреннюю органическую связь между Ветхимъ и Новымъ завѣтомъ и приходитъ къ тому заключенію, что „эти два завѣта не суть двѣ различныя религіи, а только двѣ ступени одной и той же *Богочеловѣческой* религіи. Религія эта начинается личнымъ отношеніемъ между Богомъ и человѣкомъ въ древнемъ завѣтѣ Авраама и Моисея и утверждается тѣснѣйшимъ личнымъ соединеніемъ Бога и человѣка въ Новомъ завѣтѣ Іисуса Христа...

Христіанство такимъ образомъ никогда не отвергало іудейства и никакъ не можетъ и не должно враждебно относиться къ тому, дальнѣйшее развитіе котораго оно само составляетъ. „Но евреи отвергли Христа и предали Его суду римлянъ, которые распяли Его". Противъ этого обвиненія возражаетъ Вл. С.: „И навѣрно крикъ человѣческой злобы не довольно силенъ, чтобы заглушить слово Божественнаго прощенія: „Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ". Кровожадная толпа, собравшаяся у Голгоѳы, состояла изъ іудеевъ; но іудеи же были и тѣ три тысячи, а потомъ и пять тысячъ человѣкъ, которые по проповѣди апостола Петра крестились и составляли первоначальную христіанскую церковь. Іудеи были Анна и Каіафа, іудеи же Іосифъ и Никодимъ. Къ одному и тому же народу принадлежали и Іуда, предавшій Христа на распятіе, и Петръ и Андрей, сами распятые за Христа. Іудей былъ Савлъ, жесточайшій гонитель христіанъ, и іудеемъ изъ іудеевъ былъ Павелъ, гонимый за христіанство и „паче всѣхъ потрудившійся" для него. И что больше и важнѣе всего, Онъ Самъ, Богочеловѣкъ Христосъ по плоти и душѣ человѣческой былъ чистѣйшимъ іудеемъ. Въ виду этого разительнаго факта не странно ли намъ во имя Христа осуждать все іудейство, къ которому неотъемлемо принадлежитъ и Самъ Христосъ; не странно ли это особенно со стороны тѣхъ изъ насъ, ко-

торые если и не отреклись прямо отъ Христа, то во всякомъ случаѣ ничѣмъ не обнаруживаютъ своей связи съ Нимъ?"

„Если Христосъ не Богъ, то іудеи не болѣе виновны, чѣмъ эллины, убившіе Сократа. Если же мы признаемъ Христа Богомъ, то и въ іудеяхъ должно признать народъ *Богорождающій*. Въ смерти Іисуса вмѣстѣ съ іудеями повинны и римляне; но рождество Его принадлежитъ лишь Богу и Израилю. Евреи, говорятъ, всегдашніе враги христіанства; однако во главѣ антихристіанскаго движенія послѣднихъ вѣковъ стоятъ не евреи, не семиты, а прирожденные христіане арійскаго племени. Отрицаніе же христіанства и борьба противъ него со стороны нѣкоторыхъ мыслителей іудейскаго происхожденія имѣетъ и болѣе честный, и болѣе религіозный характеръ, чѣмъ со стороны писателей, вышедшихъ изъ христіанской среды. Лучше Спиноза, чѣмъ Вольтеръ, лучше Іосифъ Сальвадоръ, чѣмъ Эрнестъ Ренанъ. Пренебрегать іудействомъ—безумно; браниться съ іудеями—безполезно; лучше понять іудейство, хотя это труднѣе" [1]). Прибавить что-либо къ этимъ доводамъ врядъ ли приходится, да едва ли возможно.

Не менѣе убѣдительно и неоспоримо вѣрно опроверженіе Вл. С. этическихъ обвиненій противъ іудейства. „Не разъ,—говоритъ Вл. С.,—приходилось намъ читать и слышать такое мнѣніе: „Еврейскій вопросъ могъ бы быть легко разрѣшенъ, можно было бы совершенно примириться съ евреями и дать имъ гражданскую и общественную полноправность, если бы только они отказались отъ Талмуда, питающаго ихъ фанатизмъ и обособленность, и вернулись къ чистой религіи Моисеева закона, какъ ее исповѣдуютъ, напримѣръ, караимы".

„Представьте себѣ, что въ какой-нибудь странѣ, гдѣ православная церковь не пользуется расположеніемъ правительства и большинства населенія, положимъ хоть въ Австріи,

---

[1]) „Еврейство и христіанскій вопросъ", Москва, 1884 г., стр. 7—8.

раздались бы въ обществѣ и печати такія рѣчи: „Мы охотно примиримся съ православными и не будемъ ограничивать ихъ правъ, пусть только они рѣшительно откажутся отъ своихъ церковныхъ правилъ и обычаевъ, отъ стараго схоластическаго хлама, называемаго „ученіемъ отцовъ церкви“, наконецъ, отъ такихъ памятниковъ суевѣрія и фанатизма, какъ „житія святыхъ“; пусть вернутся они къ чистому евангелическому ученію, какъ его исповѣдуютъ, напримѣръ, гернгутеры или молокане“. Указавъ на тѣ моменты, которые противники православной церкви могли бы найти въ ея преданіяхъ для оправданія подобнаго требованія, Вл. С. замѣчаетъ: „Впрочемъ, гораздо легче отдѣлаться отъ устарѣлыхъ преданій и законовъ, нежели отъ старой дурной привычки мѣрить все двумя разными мѣрами и находить для себя смягчающія, а для другихъ одни отягчающія обстоятельства“. Обѣщавъ затѣмъ держаться „высшаго правила іудейско-христіанской морали: относись къ другому такъ, какъ желалъ бы, чтобы онъ къ тебѣ относился“,—Вл. С. переходитъ къ оцѣнкѣ Талмуда и талмудическаго еврейства, оцѣнкѣ, которая по основательному знанію предмета, по строго объективному къ нему отношенію и по сжатости и наглядности изложенія рѣшительно не имѣетъ себѣ равнаго въ относящейся сюда литературѣ. Изложивъ вкратцѣ сущность и содержаніе Талмуда и ходъ его развитія и указавъ на преобладающую роль фарисеевъ въ составленіи Талмуда и на ихъ родственныя отношенія къ христіанству, Вл. С. утверждаетъ, что „Евангеліе не подвергаетъ безусловному осужденію самый принципъ фарисейства вообще, а напротивъ, вполнѣ признаетъ его положительное содержаніе. Въ этомъ легко убѣдиться, если только вспомнить, какими словами начинается самая сильная проповѣдь Христова противъ фарисеевъ: „На Моисеевѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисеи. Вся убо елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите, по дѣломъ же ихъ не творите: глаголютъ бо и не творятъ“. Такимъ образомъ, Евангеліе, упрекая фарисеевъ прежде всего въ томъ, что они не осуществляютъ своего

ученія *на дѣлѣ*, тѣмъ самымъ оправдываетъ *принципъ* фарисейства, состоявшій именно въ требованіи *дѣлъ закона*. Христосъ не говоритъ: не нужно дѣлъ; напротивъ, Онъ говоритъ: дѣла нужны, но вы ихъ *не дѣлаете*" [1]). Впрочемъ, самъ Талмудъ предостерегаетъ противъ подобныхъ ложныхъ фарисеевъ, коихъ насчитывается *семь* категорій (Сота 22 б.). Приведя затѣмъ изрядное количество талмудическихъ изреченій и притчей, чтобы „дать нѣкоторое реальное представленіе о нравственномъ духѣ этого памятника", и разобравъ основные принципы Талмуда, Вл. С. приходитъ къ вышеприведенному заключенію, „что между законничествомъ Талмуда и новозавѣтною нравственностью, основанною на вѣрѣ и альтруизмѣ, нѣтъ противорѣчія въ принципѣ" [2]).

Переходя затѣмъ къ антисемитической полемикѣ противъ Талмуда, Вл. С. говоритъ: „Возобновились старинныя жалобы на то, что религіозный законъ евреевъ, содержащійся въ Талмудѣ, предписываетъ избранному народу ненавидѣть всѣхъ иновѣрцевъ, въ особенности христіанъ, и наносить имъ всякій вредъ. Не было бы поистинѣ ничего удивительнаго, если бы въ дѣйствительности въ религіозныхъ книгахъ евреевъ были такія предписанія. Нужно ли припоминать все, что евреи претерпѣли отъ христіанскихъ народовъ въ средніе вѣка? Помимо безотчетныхъ антипатій и предразсудковъ противъ еврейства, существуютъ еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, христіанскихъ странахъ, *законы*, налагающіе *заклятіе* на еврейскую религію, отдѣляющіе евреевъ отъ остального населенія непроницаемою стѣною, какъ какихъ-то зачумленныхъ".

„Въ виду этого, если бы въ еврейскихъ религіозно-юридическихъ кодексахъ содержались постановленія соотвѣтственнаго духа по отношенію къ христіанамъ, то это было бы только справедливо. Но находятся ли дѣйствительно у

---

[1]) „Русская Мысль", 1886 г., № 8, стр. 127. Сборникъ «Помощь евреямъ», стр. 287.

[2]) «Русская Мысль», l. c., стр. 133. Сборникъ, стр. 291.

раздались бы въ обществѣ и печати такія рѣчи: „Мы охотно примиримся съ православными и не будемъ ограничивать ихъ правъ, пусть только они рѣшительно откажутся отъ своихъ церковныхъ правилъ и обычаевъ, отъ стараго схоластическаго хлама, называемаго „ученіемъ отцовъ церкви", наконецъ, отъ такихъ памятниковъ суевѣрія и фанатизма, какъ „житія святыхъ"; пусть вернутся они къ чистому евангелическому ученію, какъ его исповѣдуютъ, напримѣръ, гернгутеры или молокане". Указавъ на тѣ моменты, которые противники православной церкви могли бы найти въ ея преданіяхъ для оправданія подобнаго требованія, Вл. С. замѣчаетъ: „Впрочемъ, гораздо легче отдѣлаться отъ устарѣлыхъ преданій и законовъ, нежели отъ старой дурной привычки мѣрить все двумя разными мѣрами и находить для себя смягчающія, а для другихъ одни отягчающія обстоятельства". Обѣщавъ затѣмъ держаться „высшаго правила іудейско-христіанской морали: относись къ другому такъ, какъ желалъ бы, чтобы онъ къ тебѣ относился",—Вл. С. переходитъ къ оцѣнкѣ Талмуда и талмудическаго еврейства, оцѣнкѣ, которая по основательному знанію предмета, по строго объективному къ нему отношенію и по сжатости и наглядности изложенія рѣшительно не имѣетъ себѣ равнаго въ относящейся сюда литературѣ. Изложивъ вкратцѣ сущность и содержаніе Талмуда и ходъ его развитія и указавъ на преобладающую роль фарисеевъ въ составленіи Талмуда и на ихъ родственныя отношенія къ христіанству, Вл. С. утверждаетъ, что „Евангеліе не подвергаетъ безусловному осужденію самый принципъ фарисейства вообще, а напротивъ, вполнѣ признаетъ его положительное содержаніе. Въ этомъ легко убѣдиться, если только вспомнить, какими словами начинается самая сильная проповѣдь Христова противъ фарисеевъ: „На Моисеевѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисеи. Вся убо елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите, по дѣломъ же ихъ не творите: глаголютъ бо и не творятъ". Такимъ образомъ, Евангеліе, упрекая фарисеевъ прежде всего въ томъ, что они не осуществляютъ своего

ряютъ всю свою практическую силу, благодаря принципамъ киддушъ га-шемъ, хилулъ га-шемъ и мипиэ даркэ-шаломъ“.

Разъ ни въ религіи, ни въ этикѣ евреевъ ничего вреднаго для христіанства и для христіанскаго общества не заключается, то если евреи, по увѣренію антисемитовъ, тѣмъ не менѣе оказываются зловредными для общества и государства, причина тому, стало быть, лежитъ или въ самомъ этническомъ характерѣ еврея, въ томъ, что онъ по природѣ плохъ и порочень, или въ характерѣ его экономической и культурной дѣятельности, которая, въ силу сложившихся обстоятельствъ, имѣетъ будто тлетворное вліяніе на окружающее евреевъ населеніе. Антисемиты, конечно, не стѣсняются утверждать и то и другое, т.-е. еврей и самъ по себѣ плохъ и порочень, плоха и порочна его культурно-экономическая дѣятельность. Вл. С. подвергаетъ строгой критикѣ какъ этническія, такъ и экономическія обвиненія.

Судить о достоинствѣ какого бы то ни было народа на основаніи личнаго опыта никакъ нельзя. Сколько представителей даннаго народа мы бы ни знали и какъ бы основательно мы ихъ ни изучили, личный опытъ въ этомъ отношеніи отнюдь недостаточенъ. Судить о цѣломъ народѣ, какъ таковомъ, мы можемъ только, насколько онъ проявился въ исторіи. Только исторія народа можетъ доставить возможность судить о немъ болѣе или менѣе правильно. Въ этомъ отношеніи еврейство составляетъ особенно благодарный матеріалъ. „Проходя черезъ всю исторію человѣчества, — замѣчаетъ Вл. С.,—отъ самаго ея начала и до нашихъ дней (чего нельзя сказать ни объ одной другой націи), еврейство представляетъ какъ бы *ось* всемірной исторіи. Вслѣдствіе такого центральнаго значенія еврейства въ историческомъ человѣчествѣ, всѣ положительныя, а также и всѣ отрицательныя силы человѣческой природы проявляются въ этомъ народѣ съ особенною яркостью. Поэтому обвиненія евреевъ во всевозможныхъ порокахъ находятъ свое основаніе въ дѣйствительныхъ фактахъ изъ жизни еврейства. Но когда на основаніи этихъ частностей хотятъ за-

судить цѣликомъ все еврейство, тогда можно только удивляться смѣлости обвинителей". О такомъ народѣ слѣдуетъ судить не на основаніи отдѣльныхъ разрозненныхъ и случайныхъ фактовъ, а на основаніи характерныхъ чертъ, насколько онѣ проявляются въ исторіи. Открыть такія черты въ исторіи еврейской и, руководствуясь ими, изобразить характеръ еврейскаго народа—эту задачу Вл. С., между прочимъ, поставилъ себѣ въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ „Еврейство и христіанскій вопросъ". Его характеристика еврейскаго народа, при всей поразительной реальности и безпощадной правдивости, не скрывая его „крайній матеріализмъ",—дышитъ искреннимъ уваженіемъ къ еврейству. Передать эту мастерскую характеристику въ извлеченіи невозможно, и мы должны отсылать интересующихся ею къ вышеназванной брошюрѣ. Для нашей же настоящей задачи вполнѣ достаточно будетъ привести слѣдующіе общіе выводы его.

Вл. С. распозналъ въ еврейскомъ характерѣ слѣдующія главныя качества: „крѣпкую вѣру въ живого Бога, затѣмъ сильнѣйшее чувство своей человѣческой и народной личности, наконецъ, неудержимое стремленіе до крайнихъ предѣловъ реализовать и матеріализовать свою вѣру и свое чувство, дать имъ скорѣе плоть и кровь". „Для всякой идеи и всякаго идеала еврей требуетъ видимаго осязательнаго воплощенія и явно полезныхъ и благотворныхъ результатовъ; еврей не хочетъ признавать такого идеала, который не въ силахъ покорить себѣ дѣйствительность и въ ней воплотиться; еврей способенъ и готовъ признать самую высочайшую духовную истину, но только съ тѣмъ, чтобы видѣть и ощущать ея реальное дѣйствіе; онъ вѣритъ въ духъ, но только въ такой, который проникаетъ все матеріальное, который пользуется матеріей, какъ своей оболочкой и своимъ орудіемъ"... „Не отдѣляя духъ отъ его матеріальнаго выраженія, еврейская мысль тѣмъ самымъ не отдѣляла и матеріи отъ ея духовнаго и божественнаго начала; она не признавала матерію саму по себѣ, не придавала значенія

вещественному бытію, какъ такому... Идея *святой тѣлесности*, и заботы объ осуществленіи этой идеи занимаютъ въ жизни Израиля несравнено болѣе важное мѣсто, нежели у какого-либо другого народа. Сюда принадлежитъ значительная часть законодательства Моисеева о различеніи чистаго и нечистаго и о правилахъ очищенія"... „Въ національномъ характерѣ евреевъ должны заключаться условія для ихъ избранія. Этотъ характеръ въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ успѣлъ достаточно опредѣлиться и нетрудно найти и указать его отдѣльныя черты. Но это недостаточно. Нужно еще понять ихъ совокупность и взаимную связь. Никто не станетъ отрицать, что національный характеръ евреевъ обладаетъ цѣльностью и внутреннимъ единствомъ". Говорить послѣ этого о низшей, порочной еврейской расѣ при нѣкоторой добросовѣстности, кажется, врядъ ли возможно.

Опроверженію экономическихъ обвиненій противъ евреевъ Вл. С. посвятилъ обширное письмо ко мнѣ, которое было назначено для печати, но по независящимъ отъ меня причинамъ не могло появиться. Это письмо было направлено противъ извѣстныхъ всей читающей русской публикѣ антисемитическихъ органовъ печати, которые какъ разъ въ то время выступали съ цѣлымъ рядомъ разъяренныхъ обвиненій экономическаго свойства. Обвиненія въ эксплуатаціи коренного населенія и высасываніи его путемъ спаиванія и ростовщичества на разные лады повторялись изо дня въ день и не сходили со столбцовъ въ означенныхъ газетахъ и, разумѣется, все это голословно, безъ малѣйшей даже попытки подтвердить свои обвиненія какими-либо заслуживающими довѣрія фактическими данными. Ссылаясь на извѣстныя статьи Каткова по еврейскому вопросу, Вл. С. цитируетъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ знаменитаго московскаго публициста: „Пьянство въ западномъ краѣ не только не болѣе, но гораздо менѣе развито, чѣмъ въ остальной Россіи, и крестьянинъ тамъ относительно живетъ не хуже, а лучше; въ западномъ краѣ дѣйствительно господствуетъ страш-

ная нищета, но эта нищета не крестьянская, а еврейская".
Приведя этотъ отзывъ, Вл. С. въ вышеупомянутомъ письмѣ замѣчаетъ отъ себя: „Къ словамъ Каткова наши антисемиты не могутъ относиться такъ, какъ они относились бы, напримѣръ, къ моимъ собственнымъ разсужденіямъ; отъ корифея русской „національной политики" нельзя отдѣлаться общими мѣстами о либерализмѣ, доктринерствѣ, идеализмѣ, и т. д. Когда Катковъ столь рѣшительно утвержаетъ, что благосостояніе крестьянъ въ чертѣ еврейской осѣдлости вообще выше, нежели внѣ ея, то здѣсь важно только знать, правду ли онъ говоритъ, или нѣтъ, существуетъ ли указанный имъ фактъ, или нѣтъ. Если фактическое утвержденіе Каткова невѣрно, то наши антисемиты имѣютъ всѣ удобства, чтобы его опровергуть. Черта еврейской осѣдлости (нѣтъ худа безъ добра) дѣлаетъ возможнымъ точное сравнительно статистическое изслѣдованіе: сравнивая въ различныхъ соціально-экономическихъ отношеніяхъ область давняго и постояннаго жительства евреевъ съ тѣми мѣстами, куда ихъ не пускаютъ, и принимая въ соображеніе всѣ сколько-нибудь значительныя побочныя условія, можно съ достаточною строгостью опредѣлить, что именно вносится евреями въ окружающее населеніе, каковы результаты ихъ воздѣйствія на жизнь народа. Статистикою евреевъ въ послѣднее время занимались довольно усердно; существуютъ, напримѣръ, объемистые тома, изданные центральнымъ статистическимъ комитетомъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ этихъ томахъ можно найти все, что угодно, кромѣ единаго же на потребу, т.-е. кромѣ сравнительно-статистической параллели между западнымъ краемъ и коренными губерніями. Такое изслѣдованіе, упущенное изъ виду этимъ полуоффиціальнымъ изданіемъ, составляетъ, казалось бы, прямую задачу нашихъ антисемитовъ; но они тщательно избѣгаютъ всякаго серьезнаго опыта сравнительной статистики, единственнаго средства перенести ихъ проповѣдь изъ области свиста и крика на серьезную почву фактовъ. Уже не чувствуютъ ли они въ глубинѣ души, что

научное изслѣдованіе обличило бы ихъ неправду и что Катковъ зналъ, что говорилъ“[1]).

Цитируя далѣе изъ письма знаменитаго ученаго и публициста Б. Н. Чичерина слѣдующія строки: „Въ практическомъ отношеніи могу сказать по собственному опыту, что, управляя въ теченіе двадцати лѣтъ двумя имѣніями, однимъ въ Тамбовской губ., гдѣ нѣтъ ни одного еврея, другимъ въ Полтавской, гдѣ все ими полно, я вижу, что въ послѣдней крестьяне денежнѣе и состоятельнѣе, да и условія лучше“,— Вл. С. замѣчаетъ: „это не мнѣніе публициста, побуждаемаго текущими событіями, впечатлѣніями минуты, а продуманное и окончательное убѣжденіе человѣка, знающаго дѣла со всѣхъ сторонъ, много и хорошо потрудившагося на разныхъ поприщахъ, притомъ человѣка вполнѣ самостоятельнаго, и по характеру, и по положенію стоящаго близко къ народной жизни и далеко отъ искусственныхъ агитацій и интригъ, человѣка, заинтересованнаго только правдою“.

Говоря объ обвиненіи евреевъ въ эксплуатаціи сельскаго населенія, Вл. С. замѣчаетъ: „Развѣ своекорыстное угнетеніе одного класса другимъ не есть общее правило соціальной жизни по всей Европѣ? Нуждающійся крестьянинъ идетъ къ евреямъ, потому что *свои ему не помогаютъ*. И если евреи, помогая крестьянину, эксплуатируютъ его, то они это дѣлаютъ не потому, что они евреи, а потому, что они— мастера денежнаго дѣла, которое все основано на эксплуатаціи однихъ другими“.

---

[1]) Кстати замѣчу мимоходомъ, что Вл. С. вѣрно угадалъ настоящую причину избѣжанія нашими антисемитами научнаго изслѣдованія въ указанной области. По собранному маститымъ статистикомъ, экономистомъ и прославленнымъ въ Европѣ общественнымъ дѣятелемъ г. Бліохомъ весьма богатому, крайне разнообразному сравнительно-статистическому матеріалу, который обратилъ на себя всеобщее вниманіе на послѣдней Парижской всемірной выставкѣ,—оказывается, что Катковъ въ дѣйствительности зналъ, что говорилъ. Мои личныя изысканія по этому вопросу, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ источниковъ, также подтверждающія вышеприведенный отзывъ Каткова, я опубликовалъ въ «Недѣльн. Хроникѣ Восхода» въ №№ 38, 39 и 40 1897 г., подъ заглавіемъ „Къ вопросу объ экономическомъ положеніи евреевъ“.

„Бѣда не въ евреяхъ и не въ деньгахъ, а въ господствѣ, *всевластіи денегъ*, а это всевластіе денегъ создано не евреями. Не евреи поставили цѣлью всей экономической дѣятельности наживу и обогащеніе, не евреи отдѣлили экономическую область отъ религіозно-нравственной. Просвѣщенная Европа установила въ соціальной экономіи безбожные и безчеловѣчные принципы, а потомъ пеняетъ на евреевъ за то, что они слѣдуютъ этимъ принципамъ. Дѣла евреевъ не хуже нашихъ дѣлъ и не намъ обвинять ихъ. Развѣ только въ томъ они виноваты, что остаются евреями, сохраняютъ свое обособленіе. Но покажите же имъ видимое и *осязательное* христіанство, чтобы имъ было къ чему пристать. Они народъ дѣла,—покажите имъ христіанское дѣло“...

Политическія обвиненія евреевъ въ одно и то же время то въ космополитизмѣ, то въ узкомъ національзмѣ, противорѣчащія другъ другу и взаимно другъ друга упраздняющія, также обратили на себя вниманіе Вл. С., который съ замѣчательною мѣткостью указываетъ на ихъ внутреннюю противорѣчивость и несостоятельность.

„Замѣчательно, впрочемъ, что евреевъ обыкновенно обвиняютъ за разъ и въ узкомъ національзмѣ и въ космополитизмѣ. Дѣло въ томъ, что самая національная идея у евреевъ имѣетъ извѣстное универсальное значеніе, которое возвѣщено еще библейскому Аврааму... и если евреи не хотятъ признать въ христіанствѣ осуществленіе этой всемірной миссіи Израиля, то вѣдь и мы по совѣсти не можемъ утверждать, чтобы она уже была осуществлена у насъ... Гдѣ же сила христіанскаго универсализма, который обыкновенно противопоставляютъ узкому народному эгоизму евреевъ?“...

„Не забавны ли упреки въ космополитизмѣ, обращенные къ той единственной націи, которая отъ незапамятной древности сквозь жесточайшія испытанія сохранила всю свою національную самобытность, — сохранила до такой степени, что тѣ, кто упрекаетъ эту націю въ космополитизмѣ, вынуждены бываютъ соединять этотъ упрекъ съ прямо про-

тивоположнымъ и, какъ было уже замѣчено, обвинять космополитовъ въ узкомъ національномъ обособленіи. И этотъ послѣдній упрекъ столь же страненъ, какъ и первый. Ибо гдѣ былъ народъ болѣе воспріимчивый и открытый чужимъ вліяніямъ, чѣмъ евреи, которые, изучивши внутреннюю духовную сущность своей народности, никогда не дорожили ея внѣшними признаками и даже языкъ свой неоднократно мѣняли: возвратившись изъ Вавилона, они говорили по-халдейски, въ Александріи стали говорить по-гречески, въ Багдадѣ и Кордовѣ—по-арабски, а нынѣ всюду говорятъ на полунѣмецкомъ жаргонѣ и притомъ всегда и вездѣ принимали личныя имена и фамильныя прозвища отъ чужихъ и иновѣрныхъ народовъ... Консерваторы разныхъ странъ и исповѣданій единодушно упрекаютъ евреевъ въ особенной склонности къ либерализму и признаютъ ихъ даже родоначальниками и главными двигателями современнаго либеральнаго движенія въ Европѣ. Если такъ, то намъ, съ своей стороны, остается только пожалѣть, что евреи до сихъ поръ такъ плохо исполняли свое дѣло въ той странѣ, гдѣ истинно либеральные принципы и порядки были бы особенно нужны для самихъ „сыновъ израилевыхъ" и для „народа земли". Замѣчательно, впрочемъ, что свои идеи свободы и соціальной правды евреи выводятъ, и не безъ основанія, изъ самой Моисеевой Торы. При такой почтенной древности прогрессивныя идеи евреевъ можно съ одинаковымъ правомъ считать консервативными и даже ретроградными, такъ что любая изъ партій, на которыя распадается цивилизованное человѣчество, можетъ найти себѣ сочувственные элементы въ еврействѣ, которое, однако, свободно отъ непримиримаго противорѣчія между всѣми этими элементами, но подчиняетъ ихъ всѣхъ своему религіозно-національному единству".

Разобравъ, между прочимъ, обвиненія Талмуда въ поддержаніи узко-національной замкнутости евреевъ, Вл. С. замѣчаетъ въ заключеніе:

„Сохраненное, благодаря Талмуду, въ своемъ религіоз-

но-національномъ обособленіи, еврейство еще не утратило смысла своего существованія. Оно стоитъ доселѣ живымъ укоромъ христіанскому міру. Оно не споритъ съ нами объ отвлеченныхъ истинахъ, а обращается къ намъ съ требованіемъ правды и вѣрности: или отказаться отъ христіанства, или приняться рѣшительно за его осуществленіе въ жизни. Бѣда для насъ не въ излишнемъ дѣйствіи Талмуда, а въ недостаточномъ дѣйствіи Евангелія. Отъ насъ самихъ, а не отъ евреевъ зависитъ желанное рѣшеніе еврейскаго вопроса. Заставить евреевъ отказаться отъ законовъ Талмуда мы не можемъ, но примѣнить къ самому еврейству евангельскія заповѣди всегда въ нашей власти"[1]).

Националисты-патріоты новѣйшей формаціи, какъ это ни странно и даже курьезно, ставятъ евреямъ въ вину ихъ умственныя дарованія и какое-то культурное преобладаніе, которое они приписываютъ еврейству. Эти патріоты своего отечества утверждаютъ: евреи-де выдѣляются природными умственными способностями и обусловленной ихъ историческою судьбою, изощренною изворотливостью, которыя, молъ, при равныхъ внѣшнихъ условіяхъ соперничества на культурно-экономической аренѣ, были бы опасными конкурентами для сравнительно еще отсталаго коренного населенія. Поэтому salus publica, или, вѣрнѣе, національный эгоизмъ послѣдняго, требуетъ, по крайней мѣрѣ до поры до времени, чувствительнымъ правовымъ ограниченіемъ стѣснять конкуренцію евреевъ и всѣми средствами задерживать ихъ прогрессивное движеніе. Увлекаясь подобными соображеніями, патріоты извѣстнаго пошиба не останавливаются и передъ бойкотированіемъ евреевъ во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, совершенно забывая не только о завѣтахъ гуманности и человѣколюбія, но ингорируя даже и самыя основныя начала права и справедливости. Они знать не желаютъ, что помимо того, что воображаемое культурное преобладаніе еврейства далеко

---

[1]) «Русская Мысль» 1886 г. № 8, стр. 146. «Сборникъ», стр. 300 сл.

еще не составляетъ доказаннаго факта, оно во всякомъ случаѣ никакъ не можетъ служить своего рода „corpus delicti“ для лишенія неотъемлемыхъ правъ человѣка и гражданина многомилліонной народности, обремененной всѣми государственными повинностями наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ страны, и за которой не числится никакихъ иныхъ преступленій, кромѣ развѣ естественнаго и вполнѣ законнаго стремленія развить свои силы и способности и пользоваться ими въ дозволенныхъ всѣмъ предѣлахъ; они въ разсчетъ не берутъ и того, что данная народность, принося пользу себѣ самой, тѣмъ самымъ умножая внутреннее богатство страны и увеличивая ея славу, оказывается, помимо своей воли, благотворной всему отечеству. Ослѣпленные псевдопатріотизмомъ самаго узкаго національнаго свойства, они не принимаютъ въ соображеніе, что правовое ограниченіе цѣлой народности, входящей въ составъ государства, искусственно атрофируя ея дѣеспособность, уродуя, калѣча ее, дѣлаетъ ее чужеяднымъ паразитнымъ членомъ государственнаго организма, долженствующимъ отозваться вредно на развитіи и преуспѣяніи сего послѣдняго. Противъ такого вырожденія національной идеи, долженствующей служить высшимъ культурнымъ интересамъ всего человѣчества, противъ такого злоупотребленія патріотизмомъ, который по своей идеѣ вовсе не идетъ въ разрѣзъ съ вселенскими стремленіями вѣрно понятаго космополитизма, а, наоборотъ, долженъ идти съ нимъ рука объ руку, противъ подобнаго извращенія истины и опозоренія высшихъ идеаловъ, лелѣемыхъ лучшими представителями культурныхъ народовъ, начиная съ древнихъ еврейскихъ пророковъ, возсталъ Вл. С. всѣмъ своимъ духовно-нравственнымъ существомъ. Когда Вл. С. говоритъ о вожделѣніяхъ національнаго эгоизма и ложно понятаго патріотизма, его моральное негодованіе, возвышенная религіозная ревность и возмущеніе его истиннаго пламеннаго патріотизма не знаютъ предѣловъ. Со всей непреодолимой силой своего могучаго и блестящаго ума, во всеоружіи своихъ огромныхъ и разностороннихъ научныхъ

познаній, Вл. С. обрушивается на всѣ доводы столько же ложнаго, сколько зловреднаго, противохристіанскаго направленія націонализма, которое, впрочемъ, касается далеко не однихъ только евреевъ въ государствѣ, а охватываетъ жизненные интересы всѣхъ инородцевъ и иновѣрцевъ и грозитъ серьезнѣйшими осложненіями международнымъ отношеніямъ Россіи, а главное—весьма опасно для существованія и будущности самого русскаго народа, въ качествѣ культурнаго народа съ неоспоримыми крупными задатками великой исторической миссіи. Не имѣя возможности и надобности передавать хотя въ сжатомъ извлеченіи все то, что Вл. С. высказалъ по этому поводу въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Національный вопросъ въ Россіи" и въ болѣе кристаллизованномъ видѣ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Оправданіе добра", — я считаю однакоже не лишнимъ указать на нижеслѣдующіе относящіеся сюда основные тезисы.

„Здравая политика,—говоритъ Вл. С.,—есть лишь искусство наилучшимъ образомъ осуществлять нравственныя цѣли въ дѣлахъ народныхъ и международныхъ. Поэтому руководящимъ мотивомъ политики должны быть не корысть и не самолюбіе національное, а долгъ и обязанность. Нравственный долгъ требуетъ отъ народа прежде всего, чтобы онъ отрекся отъ этого національнаго эгоизма, преодолѣлъ свою природную ограниченность, вышелъ изъ своего обособленія. Народъ долженъ признать себя тѣмъ, что онъ есть по истинѣ, т.-е. лишь частью вселенскаго цѣлаго; онъ долженъ признать свою солидарность со всѣми другими живыми частями этого цѣлаго,—солидарность въ высшихъ всечеловѣческихъ интересахъ, и служить не себѣ, а этимъ интересамъ въ мѣру своихъ національныхъ силъ и сообразно своимъ національнымъ качествамъ. Этому исполненію нашего нравственнаго долга препятствуетъ лишь неразумный псевдо-патріотизмъ, который подъ предлогомъ любви къ народу желаетъ удержать его на пути національнаго эгоизма, т.-е. желаетъ ему зла и гибели. Истинная любовь къ

народу желаетъ ему дѣйствительнаго блага, которое достигается только исполненіемъ нравственнаго закона путемъ самоотреченія... Судьба людей и націй, пока они живы, въ ихъ доброй волѣ. Одно только мы *знаемъ навѣрное*: если Россія не исполнитъ своего нравственнаго долга, если она не отречется отъ національнаго эгоизма, если она не откажется отъ права силы и не повѣритъ силѣ права, если она не возжелаетъ искренно и крѣпко духовной свободы и истины, она никогда не можетъ имѣть прочнаго успѣха ни въ какихъ дѣлахъ своихъ, ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ". „Доведенный до крайняго напряженія, національизмъ губитъ впавшій въ него народъ, дѣлая его врагомъ человѣчества, которое всегда окажется сильнѣе отдѣльнаго народа. Христіанство, упраздняя національизмъ, спасаетъ народы, ибо *сверхнародное не есть безнародное*. И здѣсь имѣетъ силу слово Божіе: только тотъ, кто положитъ душу свою, сохранитъ ее, а кто бережетъ душу свою, тотъ потеряетъ ее... Отвергаясь исключительнаго національизма, онъ (народъ) не только не теряетъ своей самостоятельной жизни, но тутъ только и получаетъ свою настоящую жизненную задачу. Возведенный на эту ступень, патріотизмъ является не противорѣчіемъ, а полнотою личной нравственности. Лучшія стремленія человѣческой души, высшія велѣнія христіанской совѣсти прилагаются тогда къ вопросамъ и дѣламъ политическимъ, а не противополагаются имъ. Не должно себя обманывать: безчеловѣчіе въ международныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, политика людоѣдства погубитъ въ концѣ концовъ и личную и семейную нравственность, что отчасти уже и видно во всемъ христіанскомъ мірѣ. Человѣкъ все-таки есть существо логичное и не можетъ долго выносить чудовищнаго раздвоенія между правилами личной и политической дѣятельности".

Эти тезисы, составляющіе основы политическихъ убѣжденій Вл. С., развитые и обоснованные имъ въ его вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ, выступаютъ съ особенною силою въ его отрывкѣ изъ статьи „Грѣхи Россіи", имѣющемся у

меня въ рукописи, въ которомъ встрѣчаются слѣдующія слова: „Великая нація не можетъ спокойно жить и преуспѣвать, нарушая *нравственныя* требованія. И пока въ Россіи изъ фальшивыхъ политическихъ соображеній... милліоны русскихъ поданныхъ будутъ насильственно обособляемы отъ прочаго народа и подвергаемы новому виду крѣпостного права, пока система уголовныхъ каръ будетъ тяготѣть надъ религіознымъ убѣжденіемъ... до тѣхъ поръ Россія во всѣхъ своихъ дѣлахъ останется нравственно связанною, духовно парализованною"...

Но Вл. С. твердо вѣрилъ въ великую будущность русскаго народа, въ его вселенскую миссію и поэтому онъ твердо надѣялся на мирное и удовлетворительное рѣшеніе еврейскаго вопроса въ нашемъ отечествѣ и на лучшую свѣтлую будущность евреевъ въ Россіи. Вотъ что онъ мнѣ писалъ по этому поводу: „Я вполнѣ понимаю и раздѣляю вашу жалость къ частнымъ страданіямъ вашихъ единовѣрцевъ въ настоящемъ; но я увѣренъ, любезный другъ, что къ этому чувству вы не присоединяете никакого опасенія за будущія судьбы вашего народа. Вы знаете, кто противъ него и кто за него; вы знаете также его исторію. И неужели возможно хоть на мгновеніе вообразить, что послѣ всей этой славы и чудесъ, послѣ столькихъ подвиговъ духа и пережитыхъ страданій, послѣ всей этой удивительной сорокавѣковой жизни Израиля ему слѣдуетъ бояться какихъ-то антисемитовъ? Если бы эта злобная и нечистая агитація возбуждала во мнѣ какой-нибудь страхъ, то, конечно, не за евреевъ, а за Россію. Но, признаюсь, и такого страха я не чувствую. Увлеченіе мнимымъ „общественнымъ мнѣніемъ" есть явленіе скоропреходящее, и въ концѣ концовъ русскій народъ себѣ не врагъ; онъ достаточно уменъ, чтобы не прать противъ рожна и не спорить съ Божьими судьбами. И не даромъ Провидѣніе водворило въ нашемъ отечествѣ самую большую и самую крѣпкую часть еврейства" (Москва, 5 марта 1891 г.). Этимъ выраженіемъ твердаго упованія на великую будущность русскаго народа и въ связи

съ ней на лучшую будущность еврейства въ Россіи, каковое упованіе, хотя онъ подчасъ и впадаетъ въ уныніе, никогда ни окончательно, ни даже надолго не оставляло нашего геніальнаго мыслителя и вдохновеннаго, дальновиднаго публициста,—я заканчиваю настоящій очеркъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ присовокупить, что еврейство не только въ Россіи, но и на всемъ земномъ шарѣ умѣло и умѣетъ цѣнить по достоинству безпримѣрно гуманное и душувозвышающее заступничество и горячую любовь къ нему незабвеннаго, идеальнаго человѣка и христіанина, Вл. С. Соловьева. Еще при жизни, въ знакъ благоговѣйной признательности и глубочайшаго почитанія, Вл. С. былъ избранъ въ почетные члены „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи". Скорбная вѣсть о его кончинѣ съ быстротою молніи облетѣла весь еврейскій міръ. Всѣ еврейскія изданія во всѣхъ странахъ, населенныхъ евреями, принесли болѣе или менѣе обстоятельные очерки о характерѣ жизни и дѣятельности великаго усопшаго защитника и друга еврейства. Во многихъ синагогахъ, при огромномъ стеченіи публики, были отслужены панихиды по безвременно скончавшемся; въ многочисленныхъ собраніяхъ, въ главныхъ еврейскихъ центрахъ, читались рефераты о его свѣтлой личности и его славныхъ дѣяніяхъ. Между прочимъ комитетъ „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи" созвалъ 12 ноября минувшаго года общее собраніе, привлекшее многочисленную публику, и по отслуженіи панихиды по почетномъ членѣ Общества Вл. С., во время которой раввиномъ д-ромъ Драбкинымъ произнесено было прочувствованное слово, памяти и заслугамъ почившаго были посвящены рѣчи его друга, доцента Н. И. Бакста, и публициста М. И. Кулишера, а предсѣдатель общества, баронъ Г. О. Гинцбургъ, сообщилъ о состоявшемся постановленіи Комитета учредить въ память Вл. С. Соловьева 4 стипендіи въ С.-Петербургскихъ училищахъ общества и помѣстить портретъ покойнаго въ состоящей при обществѣ библіотекѣ, каковое по-

становленіе встрѣчено было собравшимися съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Подобное же увѣковѣченіе имени Вл. С., какъ слышно, предпринимается еще и другими еврейскими обществами. Вообще, можно безошибочно утверждать, что со смерти Лессинга не было христіанскаго ученаго и литературнаго дѣятеля, который пользовался бы такимъ почетнымъ обаяніемъ, такой широкой популярностью и такой искренней любовью среди еврейства, какъ Вл. С. Соловьевъ, и можно предсказать, что и въ будущемъ среди благороднѣйшихъ христіанскихъ защитниковъ еврейства рядомъ съ именами Лессинга, аббата Грегуара, Мирабо и Маколея будетъ благоговѣйно, съ любовью и признательностью упоминаться благодарнымъ еврейскимъ народомъ славное имя Вл. С. Соловьева.

Ф. Гецъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Объ антисемитическомъ движеніи въ печати.

Неизданная статья *Вл. С. Соловьева*.

Движеніе противъ еврейства, распространяемое русской печатью, представляетъ небывалое прежде нарушеніе самыхъ основныхъ требованій справедливости и человѣколюбія. Мы считаемъ нужнымъ напомнить русскому обществу эти элементарныя требованія. Ихъ забвеніе есть единственная причина такъ называемаго еврейскаго вопроса, а простое и искреннее ихъ принятіе есть единственный путь къ его разрѣшенію:

1) Во всѣхъ племенахъ есть люди негодные и зловредные, но нѣтъ и не можетъ быть негоднаго и зловреднаго племени, такъ какъ этимъ упразднялась бы личная нравственная отвѣтственность, и потому всякое враждебное заявленіе или дѣйствіе, обращенное противъ еврейства вообще и противъ евреевъ, какъ таковыхъ, показываетъ или безразсудное увлеченіе слѣпымъ націанальнымъ эгоизмомъ, или же личное своекорыстіе, и ни въ какомъ случаѣ оправдано быть не можетъ.

---

*) Предлагаемая при семъ статья великаго публициста-мыслителя, Вл. С. Соловьева, направленная противъ антисемитической травли евреевъ въ извѣстной части русской печати, написана незабвеннымъ авторомъ въ маѣ 1890 года и по чисто случайному, весьма интересному, обстоятельству, о которомъ я разскажу въ другой разъ, не появилась въ печати, для которой она была назначена. Впослѣдствіи Вл. С. передалъ эту статью мнѣ для пользованія ею въ подходящій моментъ, по моему усмотрѣнію.

Въ виду того, что съ нѣкоторыхъ поръ наши антисемиты пера почему-то съ сугубымъ усиліемъ изощряются въ травлѣ евреевъ и, къ величайшему нашему прискорбію, не безъ видимаго, зловреднаго успѣха, я считаю появленіе въ печати вышесказанной статьи пламеннаго патріота и вдохновеннаго борца за правду и справедливость въ высшей степени своевременнымъ.

Ф. Г.

